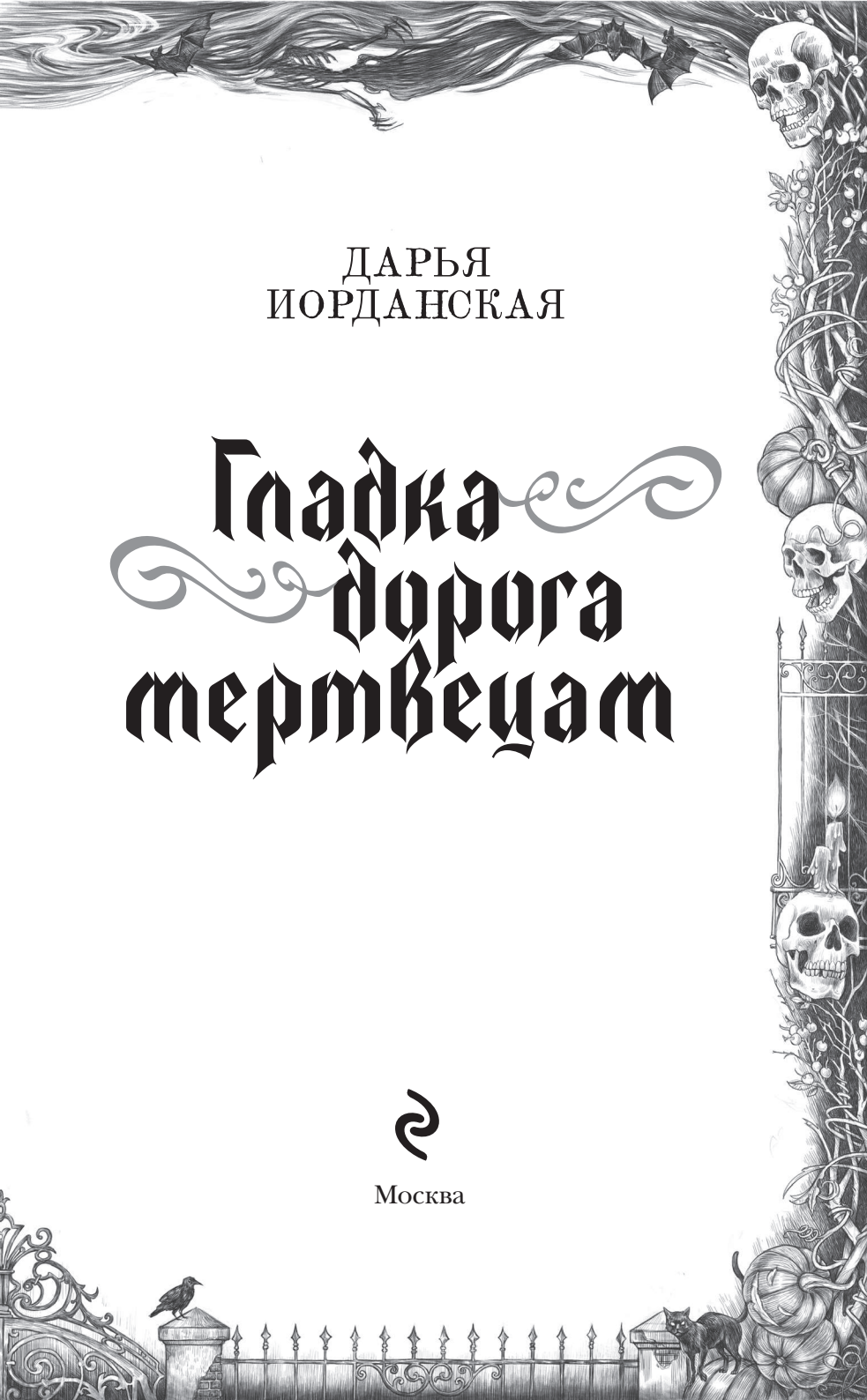

ДАРЬЯ
ИОРДАНСКАЯ

Гладкая дорога мертвецам

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И75

Иллюстрации на переплете художницы *Iren Horrors*

Иорданская, Дарья Алексеевна.
И75 Гладка дорога мертвецам / Дарья Иорданская. —
Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-212162-3

Братья Гамильтон готовятся к решающей битве с чудовищем Кенло, чьей жертвой стала жена лорда Грегори. Но теперь спасти приходится не только Лауру, но и Элинор, чье тело захватила чужая воля. Вместе с ведьмой Федорой Крушенк им предстоит защитить любимых, разгадать загадку Голосов и довериться солнечному свету, чьи губительные лучи способны убить Демиана.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212162-3

© Иорданская Д.А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чай с ромашкой, ее любимый, был подан в изящном, розами расписанном фарфоре, таком тонком, что он просвечивал насквозь. В хрустальной вазочке — джем. В корзине на льняной салфетке — мягкие, еще горячие сдобные булочки. Элинор провела пальцем по кромке чашки, ощущая странную ее вещность. Чашка была настоящая. Скатерть и запах масла и клубничного джема — тоже. Разум пытался спорить, пытался убедить ее, что все вокруг выдуманно, но невозможно было противостоять странной, почти неколебимой уверенности: *все* кругом настоящее. Разве что самую малость неправильное.

Шармила сидела напротив, прямая, держа невероятную осанку, которой бы позавидовала и сама королева. Память Элинор все еще была подернута туманом, но вот Шармила вдруг вспомнилась отчетливо, всегда такая же уверенная в себе, такая же гордая и степенная. Волнами расходилось от нее ощущение покоя и какой-то возвышенной жути.

— Рада, что ты нас навестила, Эли, — сказала Шармила. Сейчас у нее куда лучше получалось изображать человека, только губы иногда шевелились не в такт да глаза оставались пугающе неподвижными.

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

Она ни слова не сказала о том, что Элинор останется в этом зазеркалье навсегда, и за это следовало быть благодарной.

Элинор сделала еще глоток чая, снова провела кончиком пальца по кромке чашки, рождая удивительно музыкальное гудение, и опустила чашку на блюдце. Нистра сидела слева, устроившись в кресле с ногами, и особенно сильно походила на избалованную и дурно воспитанную дикарку, шаловливое дитя.

Опасное дитя.

— Есть для меня способ выбраться отсюда поскорее? — спросила Элинор Шармилу, игнорируя недозволенные гримасы Нистры.

— Сейчас та сильна, — качнула головой тетушка. — Сильна безусловно, по-настоящему. Забрать тело назад у тебя так просто не получится. Придется ждать, пока она не утратит контроль каким-либо образом.

Да, Нистра говорила то же самое. Солнечный удар или же удар совершенно физический, реальный, по голове. Элинор была против, ведь то было ее собственное тело и внутри хрупкой черепной коробки жил ее собственный мозг.

Хотя что тогда сидело в этом странном, искусственном, насквозь воображенном мире и пило ромашковый чай? Душа? Элинор попыталась вспомнить, что говорил о душе отец, но, как оказалось, в ее памяти ни единого слова не задержалось. Кажется, его вообще не волновали подобные вещи. И как только он мог столько лет служить викарием, а потом еще судебным капелланом? Маловато в нем было благочестия для священника. И веры тоже.

ГЛАДКА ДОРОГА МЕРТВЕЦАМ

— Иных способов нет? — поинтересовалась Элино́р, втайне сожалея, что не имеет ни малейшей склонности падать в обморок. Ей бы сейчас пригодилась эта женская добродетель, воспетая современной молвой. Очень хотелось, как героини нынешней литературы, чуть что, вопить и терять сознание от ужаса, стыда или избытка сильных чувств.

— Ты можешь забрать чье-нибудь тело, — предложила Нистра одновременно с неохотой и воодушевлением. — На время. И там уже разобраться, что сделать.

Элино́р представила себе это и содрогнулась от острой неприязни.

— Нет, — сказала она, мотая головой. — Не хочу. Не могу.

— Ты — да не можешь?! — Нистра хихикнула. — Хорошо, попробуем что-то другое... Гм...

Она выпрыгнула из кресла и, схватив с тарелки пончик, принялась обходить кругами стол. Пончик она ела жадно, не тревожась о манерах — манер у Нистры и вовсе не было, — и по подбородку тек джем.

— Можно попробовать присниться кому-нибудь, — предложила она, когда пончик был доеден, — и попросить помочь изловить твоё тело. Желательно, конечно, сноходцу, но они встречаются так редко... Сновидцы тоже подойдут, у них бывают осознанные видения. Ведьмы... нет, с ведьмами трудно. Ведьмы, кажется, вообще сны не видят, кроме вещего бреда. Да и к тому же, никогда не знаешь, что ведьма запросит с тебя за помощь. Нет, только не ведьма.

Элино́р покачала головой с сожалением. Единственный человек, которому она, не задумываясь, доверилась бы, не спал вообще и снов не видел вовсе.

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

— Тогда и не знаю, чего тебе предложить, Эли. — Нистра расплылась в довольной улыбке, ее несказанно радовало то, что Элинон застряла на неопределенный срок в этом странном, безумном месте.

Остаток чаепития прошел в молчании. Настроение Элинон окончательно испортилось, и все словно подыгрывало ей. На скатерть ложились неприятные мертвенные тени. Чай горчил, а от запаха ромашки хотелось чихать. Джем, брызгавший из пончиков, которые жадно ела Нистра, казался кровью, стекающей по белой коже девушки и ее кружевному платью.

Наконец, отодвинув чашку подальше от края, Элинон поднялась и подошла к окну. Возле него она и замерла, обхватив себя за плечи, пытаясь согреться. Ее физическое тело было там, в реальном мире, с ним же была и шаль, которую не-Элинон, может статься, уже уничтожила. Элинон не хватало той шали, а еще больше не хватало дружеских объятий. Всю жизнь она была достойной молодой леди, хорошо воспитанной и не позволяющей себе вольностей. Она была скромной и добродетельной, не шла по пути стяжания, не думала о лишнем. У нее никогда не было друзей и сердечных привязанностей, которые губили в романах молодых девиц. А вот сейчас ей представлялся Дамиан, прикосновения его холодных рук. Они в первое мгновение наводили на неприятные мысли о мертвецах, а потом вдруг оборачивались чем-то удивительно надежным. Оберегом. Спасательным кругом. Веревкой, не дающей воздушному змею улететь в небо. Элинон жаждала этих прикосновений, мечтала о них, почти ощущала их и должна была стыдиться своих

ГЛАДКА ДОРОГА МЕРТВЕЦАМ

тайных желаний, ведь следом за простым касанием представлялось и нечто иное, более интимное. Но стыда не было. В конце концов, сказала себе Элинора, жажда близости, телесной и духовной, — естественная человеческая потребность. Нельзя стыдиться того, что естественно. *Стыдно* себя стыдиться.

— Ты такая же, — разочарованно протянула Нистра. — Вот, возьми. Шармила сказала, что это должно сработать.

В руках у нее лежало небольшое бронзовое зеркало, очень древнее, успевшее покрыться патиной. Узор на нем был различим с трудом. Кажется, что-то связанное с богиней Венерой. А кого еще изображать обнаженной?

Оборотная сторона, несмотря на почтенный возраст, сияла и отражала лучше иного современного зеркала. Элинора даже поймала себя на странном ощущении: она куда реальнее в том отражении, чем здесь, среди пыли и подобия вещей.

Зеркало было тяжелым и холодным.

— Попробуй с его помощью ходить по снам, — старательно глядя в сторону, сказала Нистра. — Оно, как это?.. Фокусирует. Может, и достучишься до кого, передашь весточку. Узнаешь чего...

И, развернувшись на каблуках, она ушла. Спина, прямая, но не утонченно-величественная, как у Шармилы, а точно палку вставили вместо позвоночника, весьма красноречиво говорила: ты меня обидела. Элинора не могла понять, чем именно, да, честно говоря, и не хотела в том разбираться. Она помешкала, подняла зеркало повыше и взгляделась в его загадочные, полные туманов глубины.

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

* * *

Федора плохо знала город. Она была дитя полей. Там, на свободе, ей дышалось вольно, а стиснутая высокими каменными домами, она невольно начинала паниковать. И дорогу она не видела. У местных — что воров, что колдунов — было множество примет, по которым можно было проследить путь. Были места, в которые не следует заходить. Были тайники, способные сохранить, защитить, уберечь. Но все это — не для Федоры.

Она бежала, подобрав юбку, проклиная современную моду. Преследователи дышали в спину. Они не были материальны, лишь тени, скользящие во тьме. Ночь наступила, их время; тьма сгустилась, на город надвинулся туман, и в порубежье он оказался особенно плотным и страшным. В прошлый раз, выйдя в город, Федора ненароком забрела в места, о которых ничего предпочитала не знать. Сейчас ее положение было еще хуже.

Федора бежала и перебирала в памяти различные способы ворожбы. На ум, как нарочно, приходили одни только сказки: о тропах фей, дорогах Старых Богов, о лазейках между тем миром и этим, какой бы смысл ни вкладывался в сами эти слова, в само понятие «мира». О тех, кто умеет оборачиваться туманом или птицей, становиться невидимым. О стезе мертвецов, пути, которым следуют мертвые к месту своего упокоения. Там одни лишь тени и тлен, туда мало кому удастся попасть, и там по-своему безопасно. Она неоднократно слышала эти сказки от подруг, пока еще, соблюдая смешные чуждые ей правила, ходила

ГЛАДКА ДОРОГА МЕРТВЕЦАМ

на сельские собрания, гордо называемые шабашем. Там не устраивали разнузданных оргий, не целовали дьявола в зад — дьявола там и не было, как не было его вообще; не жарили на адских углях младенцев и не отчитывались о сделанных за год мерзостях. Только сплетничали и рассказывали сказки. О живых мертвецах, о вампирах и демонах, о силах значительно выше понимания любой ведьмы. Хотела бы Федора, чтобы хоть что-то из всего этого было правдой. Тогда у нее появился бы призрачный шанс на спасение.

Она никак не могла уйти от реки. Улицы путались, дорога под ногами завязывалась узлом, все время возвращая ее к одному и тому же месту. К Кенло. Попервоначалу это была лишь догадка, Федора думала, что просто заблудилась в незнакомом месте. Потом она решила — город водит ее. А потом как-то внезапно осознала, что реальность до того истончилась, что она попросту провалилась в чужой мир. Как Элинор в тот раз, проводящая их своими пыльными коридорами.

Дорога снова привела ее к складам, и Федора сдавалась. Она остановилась, тяжело дыша, прижимая руку к боку, в котором кололо и резало, словно там свернулся калачиком ёж. И тогда Кенло вышел из темноты.

Его нельзя было спутать с человеком, хотя он все еще носил облик Лауры Гамильтон. И не в свечении было дело, в другом. Кенло был бездной, дырой, адской воронкой, на дне которой вопреки всему рождался свет. Но этот свет не грел, а сразу сжигал всякого, кто посмеет приблизиться.

Федора распрямила плечи.

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

— Ты смелая, — с неожиданной радостью сказал Кенло. — Мне попадались сильные противники, но смелые — пару раз, не больше. Была одна девчонка... как я жаждал вгрызться в ее сладкое нутро! Она была в точности как ты: наглая. Пришла и потребовала, чтобы я вернул то, что ее. Представляешь! Она считала, что в этом мире хоть что-то принадлежит ей! Я ей предложил обменяться: Леру на нее. Благородно, не так ли? Нечестная сделка, конечно, на что мне порченная кровь? Но я предложил, а она, паршивка, не стала собой жертвовать. Смелая и себялюбивая.

Кенло много говорил. Федоре подумалось, он любит звук своего голоса. Сейчас звучал его собственный голос, не Лаурин, и мурашки бежали от него по коже.

— Ты тоже смелая и себялюбивая, ведьма Федора Крушенк?

Федора ухватила за имя. Леру. Не самое распространенное имя, и едва ли это совпадение, что человека, который послал ее к Гамильтонам, зовут так же. Барнабас Леру прожил долгую жизнь и, может статься, жив до сих пор. Некоторых смерть почтиительно или же опасливо обходит стороной. Значит, можно как-то сладить с Кенло. У него должны быть слабые стороны. У всех они есть.

Федора щекотки боялась.

Кенло — солнечного света, но до утра далеко, и Федора не может, точно сказочная героиня, загадывать до рассвета загадки и ждать, пока тролль обратится в камень. Значит, нужно придумать что-то.

Федора смотрела в Кенло, в глубокую темную бездну, на дне которой мерцает нечто по-настоящему ужасное, и прикидывала варианты. Огонь? Нет, едва

ГЛАДКА ДОРОГА МЕРТВЕЦАМ

ли. К тому же, огнем надо уничтожать физическую оболочку, а то, что стоит перед Федорой, — самая суть.

Что еще может сравниться с солнечным светом?

Ничего.

Федора прикрыла глаза. Даже сквозь закрытые веки пробивалось свечение, нагоняя страх, вселяя ужас. Федора была против чудовища беспомощна. Она даже с Дженет Шарп не могла толком справиться, а ведьма, пусть древняя и могущественная, совершенно точно была человеком.

Но та девчонка, она же выжила. А иначе Кенло не говорил бы о ней с такой голодной тоской, с таким вожделением. Что она сделала? Что сделала бесстрашная и себялюбивая девчонка?

Свет, составляющий потайную суть Кенло, холодный, чуть зеленоватый, не то чтобы мерцал, а словно удалялся и приближался с равными промежутками. И что-то напоминал Федоре, что-то грандиозное, виденное ею очень и очень давно.

Федора зажмурилась еще крепче, пытаясь вспомнить, но на ум так ничего и не пришло. Только крутилось, крутилось что-то в голове, ворочалось, скользкое, точно угорь. Мысль эту никак не удавалось поймать за хвост.

Леру. Барнабас Леру. Мертвый шептун, из-за которого Федора оказалась в Лондоне.

Было глупо и, пожалуй, самонадеянно, но она звала мысленно к Леру, напомнив: «За тобой должок. Я свою часть сделки выполнила. Я помогла Гамильтонам, как сумела. Теперь твоя очередь». Никто ей, конечно, не ответил. Федора даже не могла быть уверена, что Леру считает себя ее должником. Заклю-

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

чая любые соглашения с существами подобного рода, следовало действовать по четко очерченным правилам, Федора же просто понадеялась на помощь.

Кенло шевельнулся. Глаза все еще были закрыты, и Федора не знала, собирается ли он наброситься на нее или же только подбирается поближе. Ему явно нравилась игра в догонялки, но рано или поздно Кенло должен был утратить терпение и сжечь ее своим светом дотла.

Остров Лилий, всплыло вдруг в памяти Федоры. Крошечный островок неподалеку от Салерно, личные владения семейства Буканеве, овеванного легендами, и весьма жуткими. Зеленая трава, усыпанная звездочками первоцветов. Волосы Артемиды — красное золото — разметались по траве, она лежит, запрокинув голову, юная и совершенно волшебная. Подле нее Федора ощущает себя галкой рядом с горлицей. И все же в этот момент они подруги, и самые близкие,веряющие друг другу глубинные девичьи тайны, вроде первой любви и удачного заклинания. Как давно это было! Что случилось с ней? Жива ли или навсегда погребена в памяти? В роду Буканеве много тайн, и семья эта сторонится обычных ведьм, даже смотрит на них свысока. Но когда-то они были подругами, и те далекие дни вспоминаются неожиданно ясно. Как Федора ложится рядом и слушает рассказ о Гвидо Скуро, чудовище семьи Буканеве, о том, кто построил на этом острове и дом, и маяк, и обсерваторию, чтобы наблюдать за звездным небом. Небо над островом грандиозно. Оно цвета индиго, все усыпано искрами и кажется совсем-совсем близким. А потом Артемида вскакивает, тянет Федору за собой вверх по скалам, к округлому куполу,

ГЛАДКА ДОРОГА МЕРТВЕЦАМ

построенному из того же серого камня, сливающимся с окружающим ландшафтом. К телескопу, последнему приобретению ее отца. И Федора приникает к окуляру, думая, что телескоп у Марко Буканеве такой же необычный, как дочь, супруга или история его странного, то ли проклятого, то ли благословленного рода. А где-то совсем рядом, руку протяни, крутятся спирали, составленные из звезд.

Совсем как в сердцевине Кенло.

Совсем как в глазах чудовищ, о которых рассказывала Элинон Кармайлк, а Федора в самонадеянности своей ей тогда не поверила.

Элинон когда-то удалось сбежать, прыгнув в эту звездную спираль. Получится ли такое у Федоры?

ПРЫГНИ И УЗНАЕШЬ.

Голос, прозвучавший в ее голове, оказался удивительно плотским, осязаемым, болезненно острым, словно на нее обрушились острые осколки, ранив, проникая под кожу. Голос уже отзвучал, а боль осталась.

Федора узнала этот голос и улыбнулась через силу. «Благодарю, мистер Леру. Я была на ваш счет несправедлива».

И, решившись, она прыгнула, бесстрашно, бездумно, в себялюбивом желании спастись. В пекло. В горнило. В самое сердце звезды. Иногда лишнее, в неурочный час подброшенное полено вызывает пожар. Кенло вскрикнул, сперва от неожиданности, затем, кажется, от боли. И Федора закричала, потому что огонь горел нестерпимо жарко, опалив ее, а она все падала и падала в пламя.

Пока не выпала в привычную, сырую, дурно пахнущую реальность лондонских трущоб. Полуголая,